

Н. Н. Козлова

СЦЕНЫ ИЗ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПЕРИОДА «ЗАСТОЯ»: СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА*

Сегодня исследователи отходят от представлений об обществе как только о результате деятельности государства, где в качестве чуть ли не единственного источника социального изменения выступает власть. Внимание переносится на процессы повседневной жизни общества, на рядового участника социальных процессов, взятого в качестве «актера», деятеля. В разных областях социального и гуманитарного знаний ощущается необходимость понимать человеческий опыт с учетом позиции действующих лиц, их когнитивных структур, смысловой нагруженности деятельности, образцов чувствования и переживания, вербальных и телесных практик идентичности. Исследование оказывается локализованным на границе жизненных траекторий людей и развивающейся социальной структуры.

Возврат к индивиду не означает отказа от поиска закономерностей. Однако таковой осуществляется посредством многоступенчатого подхода к одному типу жизни в рамках рассматриваемого социокультурного образования, к индивидуальной биографии, индивидуальному тексту (текстам), обычаю**.

Новая познавательная ситуация подразумевает как обращение к источникам нового типа, так и методологическую междисциплинарность исследований.

Я занимаюсь чтением разного рода человеческих документов (дневников, воспоминаний, писем). Данная статья — результат знакомства с семейной перепиской. В исследовании присутствует историческая компонента — введение в научный оборот ранее неизвестного источника. Само чтение — одновременно социологическое и антропологическое. Как показано в современной семиотике, текст создается чтением.

То, о чем идет речь ниже, можно назвать исследованием отдельного случая (case-study). Case-study — разновидность социологического исследования. Применяемый подход можно обозначить и как плотное (насыщенное) описание (thick description), как антропологический метод. Имеется в виду взгляд с близкого расстояния на анализируемый объект: что подразумевает погружение в повседневные практики***. Кроме того, обращение к письменным источникам позволяет понять и объяснить, как именно производятся и воспроизводятся

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (99–06–00039).

**Британский исследователь Р. Харре называл эту тенденцию новым идиографизмом. См.: [1, р. 132–134].

***Сам термин и понятие введены знаменитым американским антропологом Клиффордом Гирцем. См.: [2].

социальные представления и социальные отношения, а значит, сама социальная реальность. Таким образом реализуется конструкционистский тезис.

Различные методологии, используемые в процессе интерпретации, оказываются тесно взаимосвязанными.

В научный факт прочитанный источник превращается в результате интерпретации. Только так можно преодолеть границы нашего собственного опыта, сегодняшнего уровня понимания и заменить частные определения корпусом знания. Типичные мотивационные связи и отношения, поведенческие рецепты и ценностные иерархии рассматриваются как схемы интерпретации и конструирования социальной реальности.

1. Семейная переписка

Мне хочется рассказать, как я читала материалы одного из фондов «Народного архива»*. Это была семейная переписка 1970–1990-х гг., которая составляла примерно 1200 писем, открыток, телеграмм (с 1972 по 1990 г.).

Эти годы называют годами застоя. Такая метафора невольно подсказывает мысль об отсутствии изменений. Действительно, по сравнению с жизнью первого советского поколения жизнь участников этой переписки отличалась значительно более высокой степенью онтологической безопасности. Недаром многие не очень молодые люди вспоминают их с умилением: тишь да благодать... Однако даже по этой переписке, которая не более чем песчинка в море социальных взаимодействий, видно: жизнь постепенно менялась. Внимательный читатель увидит, как в эти годы в процессе воспроизводства повседневных практик вынашивались перемены. Общество и люди не могут не меняться.

Кто-то скажет: про годы застоя мы и так помним... На это следует ответить следующим образом. Во-первых, помнят не все, а лишь те, кому «за сорок». Уже произошла смена поколений. Любое свидетельство запечатлевает подробности той или иной эпохи. Человеческая память коварна, и детали из памяти легко стираются. Во-вторых, мы все до сих пор удивляемся: как это советское общество потонуло подобно «Титанику»? Ученые и рядовые участники событий еще долго будут спорить, отчего так получилось.

Изученные мною послания писали люди рядовые, не занимавшие больших постов, не состоящие в родстве с «историческими» личностями, не диссиденты, не свидетели так называемых исторических событий. Центральная фигура — женщина, инженер-строитель. Назовем ее Еленой Петровной М. Она родилась в 1933 г., училась, вышла замуж, родила троих детей. С мужем разошлась и стала главой семьи. Это для России ситуация обычная, однако здесь речь идет о трех детях. Подруга называет нашу героиню «декабристкой». Она самостоятельно поднимает детей. Ее бывший муж неаккуратно платит алименты, сумма которых очень мала. Переписка содержит довольно много запросов об алиментах и ответов на них. Поднимать детей ей помогает мама.

Отец, дедушка ее детей, погиб на войне. Родители, крестьяне по происхождению, были родом из-под Липецка. Жизненная траектория отца тоже типична: бывший крестьянин, закончивший военно-политическое училище. В фонде есть

* Центр документации «Народный архив» (ЦДНА), фонд 424. Все цитаты приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией источника.

его фотография в форме батальонного комиссара. На фотографии 1940 г. этот человек, которому было 38 лет, выглядит старым. Судя по семейному альбому, он участвовал в установлении советского порядка на Западной Украине [3; 4]. Семья практически ничего не знает о своих предках. Елена Петровна писала в Народный архив: «Мне стыдно писать об этом... Я знаю, что все они землешапы, а больше ничего» (06.09.90). Стыдиться этого, однако, не приходится. Ситуация типична для страны, где более чем у 80% населения семейные корни уходят в безбрежное крестьянское море и где история жизни — не биография индивида, а путь рода.

Семья часто переезжала. В 1960-е гг. Елена Петровна руководила строительством в Казахстане (в Рудном и Кустанае). В конце 1976 г. семья переехала в Смоленск, а 1981 г. — в Новороссийск. Отчасти отсюда — такое множество корреспонденции.

Итак, Елена Петровна — центр, вокруг которого переписка организуется. Ее собственных писем мало, зато сколько людей ее окружает! Ей пишут дети, большой круг родственников — брат и его жена, невестка, зять и их родители, множество сослуживцев. Кроме того, в фонд вошла переписка ее детей — с друзьями, подругами, однополчанами, таких семей — тысячи. Они просто жили на Рабочих и Коммунистических улицах и были обычными советскими гражданами, которые принимали жизнь такой, какова она есть. Они от нее не дистанцировались.

Явление семейной переписки, которое нынче превратилось в уходящую натуру, меня завораживало. Переписка в культуре недавнего времени — один из ритуалов, которые и создают то, что мы называем семьей. Семья играет огромную роль в поддержании социального порядка. Переписка позволяет сохранять чувство семьи*. Это часть повседневных взаимодействий, в процессе которых происходит постоянный обмен.

Родственники ритуально обмениваются поздравлениями с семейными и государственными праздниками. По переписке можно понять, чему и как учат детей, т.е. реконструировать социальные и культурные нормы. Из писем матери детям хорошо видно, как обучают житейскому ноу-хау: от способов получения страховки и умения купить железнодорожный билет с пересадкой до способов вхождения в отношения с незнакомыми людьми, способов выхода из трудного положения, как поступить, если у тебя, допустим, украли документы. «Кулек с орехами Свете, а кулек с рыбой тому, кто тебе возьмется помочь, если это будет необходимо», — пишет мать сыну (21.11.84). Родители советуют детям, как надо себя вести «чтобы не испортить, не переломать себе жизнь в самом начале» (29.08.78). Багажная квитанция содержит список нажитого за жизнь. Мы узнаем, в каких жилищах обитают люди, и какова квартира, которая счита-

*П.Бурдые отмечает, что семья — это не просто слово, но слово-пароль или, скорее, категория, коллективный принцип конструирования реальности. Социальные отношения есть социальные фикции, не имеющие других оснований, кроме социального конструирования. Они действительно существуют, поскольку коллективно распознаются. Употребляя концепт «семья», мы одновременно предпринимая описание и предписание (прескрипцию), которая не воспринимается как таковая потому, что более или менее универсально воспринимается как самоочевидность. Мы молчаливо признаем, что реальность, которой мы даем имя «семья» и которую мы помещаем в категорию «реальных» семей, есть семья в реальности [5, р. 66–67].

ется хорошей, «как у людей». Например, сын Елены Петровны какое-то время жил в Актюбинске, в Казахстане: «Живем мы в землянке, платим 30 рублей. Тесновато, правда, купили шифонер, диван-кровать и повернуться негде» (02.02.80). А вот образ желанного жилища: «с отдельным санузелом, хорошей кухней, встроенным стенным шкафом, кладовой» (02.02.78). Наряду с другими вещами детей учат писать письма бабушкам и товарищам. И они пишут: «Кстати ты знаешь что у нас есть васька?... он спит как ребенок лапу под голову а сам растянется на весь дух...» (27.12.79). По просторам огромной страны шли фотографии, на которых запечатлены социально санкционированные моменты семейной жизни, например, вступление в брак. У кого нет дома многочисленных фотографий в ЗАГСе? Фотографии в жанре «на смертном одре» пересылаются, когда смерть нарушает целостность семьи: «Коварен закон природы, вырывая членов семьи» (10.11.85). В письмах детей часто присутствует рисунок — обведенная рука как символ целого, состоящего из частей.

Переписка запечатлевает мир повседневных представлений, обычаев и ритуалов. Переписка может быть понята как один из способов поддержания этого мира, продолжения социальной жизни, т.е. направлена на практические цели. Кроме того, это способ эффективной презентации себя самого. Дети посылают друг другу конфетные фантики, а юношество ценит сам факт коммуникации: «Все-таки здорово иметь друзей далеко от своего города. Получать письма, отвечать на них — здорово» (28.01.82).

Письма посылаются в конвертах. Поздравления пишутся на открытках. Социальный мир организован. На конвертах и открытках официальная картина мира. Она диктует: эти дни праздничные, а эти — нет, эти события и люди — исторические. Бросается в глаза утрата идеологической резкости 1930–1950-х. Смягчение сказывается в том, что все больше рядом с официальной символической возникают символы природы. 1-е Мая — праздник не столько труда, сколько весны. Даже Октябрь уже не только Великий, а почти что просто октябрь. В поздравлении с «Октябрьскими» обнаруживаешь библейскую аллюзию: «Поздравляем с праздником Великого Октября и желаем крепкого здоровья, праздничного настроения и всех благ — земных и небесных» (06.11.82). На открытке в честь Дня победы серп и молот прикрыты веткой сирени. А за завесой официального языка — мир семейной жизни. Но из времени не выпрыгнешь!

Понятно, что мы не имеем права делать обобщения на основе переписки одной семьи. Мы лишь фиксируем то, что вычитывается из этого источника, следуя совету Р. Харре исследовать индивидуальное проявление так, как если бы оно было типичным [1, р. 134]. В этом случае ставится задача раскрыть как можно больше черт. Для этого есть основания: люди вступают в коммуникацию, пользуясь языком. В языке седиментируются социальные значения. Преимущество этого метода состоит в том, что характеристики изучаются системно, делается попытка дать подробное описание структурных отношений и взаимодействий. Здесь существует и возможность риска: то, что принимается за типичное, может вовсе не быть таковым. Понятно, что сделанное следует соотносить с другими случаями.

2. Государственное мясо и моральная экономика

Примета времени № 1 — ДЕФИЦИТ. Эта проблема занимает огромное место в жизни людей*. Люди чутко прислушиваются к пульсу продовольственного снабжения. Складывается впечатление: такой предмет, как недостаток продуктов питания, даже превращается в риторическую фигуру. Об этом пишут, когда не знают, что сказать дальше: «Даже не знаю, что еще написать. У нас в магазине масло свободно, правда оно бутербродное по 3. 20 и в пачках» (03.04.83). Понятно, что об этом предмете более всего пишут женщины, на которых падает основная тяжесть добычи еды. Читая письма, попадаешь в ведьмин круг.

Из Липецка в Кустанай: «У нас было все лето очень жарко — 35–37 градусов. Конечно засуха. Овощей нет совсем. Поэтому на рынке цены очень высокие... Будет, конечно, трудно. Особенно мне, т. к. я не заготовила себе овощей на зиму. Тут даже паника была: расхватали в магазинах крупу, сахар, макароны и даже соль и спички. Плохо было несколько дней с хлебом, но сейчас налаживается все. Правда круп и макарон пока нет в магазинах» (29.08.72). Из Кустаная в Смоленск: в Новосибирске «очень плохо с едой. Но я уже привыкла» (11.07.80). Из Липецка в Смоленск: «В городе начались перебои с молоком, редко бывает масло, колбаса. Валя... ездила в Москву и привезла нам 2 кг колбасы и 1 кг масла» (29.10.80). Из Смоленска в Новороссийск: «Снабжение по-прежнему плохое. Кроме молочных продуктов ничего нет. В основном на предприятиях организованы пайки, и те, кто там работают, относительно живут ничего. Днем еще что-то бывает в продаже, вечером пусто» (17.06.82). Из Кустаная в Новороссийск: «Масло сливочное мы получаем по талонам по 150 гр. Немного не хватает. Но нечего обходиться. Колбаса в магазине бывает, постоишь и возьмешь. Мясо только коммерческое говядина 4 – 30, свинина 3 – 50. Но нечего можно жить помаленьку. Овощи есть в магазине картофель 13 коп» (28.03.83).

О дефиците желанного и остро необходимого пишут в эпическом тоне. Это что-то вроде природных сил, к которым человеку остается только приспособиться. Желать постоянного ассортимента продуктов в магазинах — это вроде как желать хорошей погоды. «Погода не балует, то жара то холод. Нет желанного ровного тепла» (03.08.78) — пишет одна старушка другой. Каждый знает, что столь желанной ровной погоды в нашем климате не бывает. Так и с продуктами питания и прочими товарами. Все описывается как природная данность. Походы за едой, поиск одежды — что-то вроде похода за грибами: то ли найдешь, то ли не найдешь. Люди притерпелись, отсюда пассивная форма вопроса: «Как вас снабжают?». Кто снабжает, какая таинственная сила, от которой зависит человеческая жизнь?

«Снабжение несколько улучшилось. Может это в связи с выборами. Молочные продукты без перебоя, иногда торгуют мясом, курами. Масла по-прежнему нет. Из овощей только огурцы и капуста, ну а на базаре все в изобилии, только цены малодоступные» (22.11.82). Вот еще отрывок: «Смоленск отметил свое 1125-летие. Праздновали роскошно. И культурная программа и продовольственная были на уровне. Должна сказать, что сейчас в Смоленске есть возможность купить овощи — капуста, картошка, лук, огурцы, редиска и т. д. все в магази-

* Так было на протяжении всего советского периода. См., например: [6].

нах, а также мясные продукты. Мы еще не поняли — это навсегда, или связано с майскими праздниками или юбилеем, но вот уже два месяца торгуют говядиной, а масло и куры постоянно» (30.05.88).

Вот отрывок, где эта сила персонифицирована в секретаре обкома: «У нас новый секретарь обкома вроде чуть получше стало с продуктами — талоны на масло отменили, но на сахар (по 1 кг) и на колбасу (0,5 кг) еще сохраняется. Но мы все покупаем в кооперативном или на рынке. На государственное мясо попасть можно очень редко, а бегать за ним по полдня сил нет» (конец 1988). На первом месте то, что можно назвать проблемой государственного мяса, того, что можно купить по твердой цене, но которого нет, которое доступно не всем. Кстати, пройдет немного времени, и ученым придется сделать «комментарий к общеизвестному»: а что, собственно, имелось в виду?.. И объяснять, что это — мясо, которое в числе других продуктов, продавалось по стабильной заниженной цене.

По этим отрывкам можно легко сделать вывод: а, вот оно, пресловутое советское иждивенчество, вечный расчет на государственное мясо! Но по переписке хорошо видно, что люди не то, чтобы пассивны, но просто действия их отнюдь не похожи на то рациональное экономическое действие, которое нам описывают экономисты. Люди предпринимают все, что могут, чтобы удовлетворить свои нужды и компенсировать недостатки планово-раздаточной экономики. Без таких компенсирующих действий социальных агентов эта самая экономика существовать просто не могла бы.

Во-первых, везут недостающее из разных мест. Одни надрываются под тяжестью колбасы, масла, гуся и говядины, фруктов, которые тащат с юга. Те, кто живет в центральной России, уповают на счастливую Москву: «Генка ездил в Москву привез мясо 6 кг и вина хорошего к Новому году, апельсинов... Там народу много перед Новым годом» (23.12.82). Москва может, конечно, проявить суровость. «Я совершил ряд поездок по Москве, но продуктов купить не могли. Было воскресенье, а в этот день 90% продмагов закрыты, чтобы люди не вывозили из Москвы продовольствие» (11.10.81).

Еще одна социальная техника воплощена в принципе «Бери, пока есть!», делай запас. Из Актюбинска в Смоленск: «Я уже купила 10 кусков мыла. Но сноха пообещала достать ящик порошка стирального. Я думаю вышлю вам мыла и порошка... Мыло пока есть, но тоже не везде, нужно взять пока есть... Перед праздником давали много мяса, так люди даже по ночам стояли. Но уже наверное набрали на полгода» (01.05.80).

В кулинарном репертуаре советских низов и не вполне низов почетное место занимают те продукты, которые можно долго хранить — пресловутые тушенка, сгущенка и колбаса-сервелат. В религии повседневности это предметы культовые...

Среди способов семейного выживания почетное место занимают домашние заготовки. Соленья и варенья — не менее как императив. Не сделаешь — нечем зимой будет полакомиться. Разнообразие ты должен создавать себе сам. «А то у нас в прошлую зиму не было варенья и было очень скучно. Покупали повидло и мед» (03.08.78). О домашних заготовках и их объеме непременно друг другу сообщают: один засолил 13 банок огурцов, а другой — только 8.

Продовольственная проблема решалась и посредством 6-ти соток, на которых умудрялись выращивать кур и кроликов.

Городская семья, однако, не может жить натуральным хозяйством. По переписке видно, что люди замечательно использовали такое достижение цивилизации, как надежная система почты. Читая письма, я составляла список пересылаемого. Он необъятен и свидетельствует о непредсказуемости возникновения дефицита. По просторам нашей огромной страны шли мастика для пола «Самоблеск», «бархатная бумага больших размеров листовая» (27.10.86), кинопроектор «Орленок», лекарства (женьшень и седуксен, диаспонин и АТФ), очки, книги, крышки для консервирования, мыло, стиральный порошок, масло, чеснок и лук, детские колготки и детское питание, «простой плотный спортивным костюм» (27.04.89), уют... «Послали вам уют, как раз здесь появились в продаже, ждите, а то без уюта дюже плохо» (13.08.1981). Шлют подарки — австрийские носки и польский одеколон, ткань для выпускного платья, фотоаппараты и фотопленки, женские сапоги и джинсы. Понятно, что делать это было возможно лишь при условии низких почтовых тарифов. Вот, например, бабушка обвязывает внуков, в том числе живущих в других городах. Для примерки свитера и шапочки пересылаются. При современных ценах эта практика стала невозможной.

Читая письма, мы оказываемся в кругу домашней экономики. Здесь удовлетворяются даже такие символические потребности молодого поколения, как распространяющееся вширь желание иметь «фирменную» одежду, новую аудиотехнику. Нет «фирменного» — носят или отечественное (например, джинсы «Тверь») или самодельное: «Бабуля пожалуйста свяжи Генки шапочку спортивную а то у него шапки нет, Виталька знает какие это шапочки, там еще Adidas написано» (02.02.83).

Эти люди не голодали и не были раздеты, но они, конечно же, не могли свободно реализовать энергию желания, сделать выбор. Школьницы в провинции 1970-х мечтали носить кримпленовую форму и ходить в темных очках. Но для многих это оставалось мечтой. В 1980-е гг. предметом престижного символического потребления стал кассетный магнитофон. Но это опять-таки предмет дефицита: «Кассетных магнитофонов 4 класса в продаже нет. Сейчас продают 3 класса, а они не менее 200 руб. В Москве недавно видели 4-й класс типа "Легенда", "Спутник". Это самые маленькие магнитолы. Но за ними выстроился мгновенно "хвост" и подступиться было невозможно» (20.10.81). В письме от 28.02.87 торжественно сообщается о приобретении супермагнитолы Sharp — AF7007. Но это был сверхпрестижный сверхдефицит. Без обращения к тому, что происходило в поле маленьких повседневных желаний маленьких людей, мы вряд ли можем объяснить, отчего общество к концу 1980-х стало так радикально меняться.

Следует еще раз подчеркнуть: все, что вращается в кругу домашней экономики, строится не на эквивалентном обмене, а на моральной экономике бескорыстного дара и долга, сердечной привязанности и нравственных оснований. Каждый член семьи — часть целого, но старшие поколения главным образом отдают, а младшие получают.

Из Смоленской области в Новороссийск: «С продуктами у нас пока хорошо. Мяса он (муж. — *Н. К.*) где-то достал много. Приезжали еще свекровь с дедом до того, как мы приехали. Привезли картошки 3 мешка, компотов 10 банок,

капусту, варенье. Шторы дала на окна, половика 2 на пол, 2 клеенки, 2 коврика...» (30.11.84).

Принципы моральной экономики распространяются не только на узкий семейный круг, но на сослуживцев, друзей и знакомых.

Эти практики социально маркируются как женские. До самого последнего времени их обозначали как непроемчивые виды деятельности. Лишь в последние десятилетия они стали предметом внимания социальных теоретиков. Исследование их позволяло найти новый язык говорения о социальном. Это позволило концептуализировать то, что люди *знают* практически: не только политическими решениями и замечательными реформаторскими планами держится мир, но и тем, как люди «упираются», спасают детей от всяческих нападений, «оттягиваются» за бутылкой, беседой и письмом*.

3. Динамика ценностей и язык

Анализ может выявить, как постепенно менялся тип социальной связи, а также динамику ценностей.

Поколение, у которого было крестьянское детство, живет с соседями семейно-общинно: «А умерла она внезапно. Пришлось помогать» (30.01.79). «Около нас построили большой дом, так что у нас стало весело, народу много» (20.04.83). Это царство множественной, полифункциональной, персонифицированной социальной связи.

Поколение самой Елены Петровны (1930-х гг. рождения) также было в очень близких отношениях с соседями. Но наиболее значим для них круг сослуживцев. Рабочий коллектив не менее ценен, чем семья. Здесь не отношения технической или экономической целесообразности переносятся на семью, а напротив, отношения семейные переносятся на работу. Поддержание такого типа связи ощущается как моральный долг и как социальная потребность. Трудно различить, когда мы имеем дело с профессиональным призванием, а когда следует говорить об удовольствии от жизни в тесном сообществе. Дети крестьян, получившие высшее образование, очень ценили свой статус. Труд, работа — самоочевидная ценность.

Письма свидетельствуют: отношения с бывшими сослуживцами поддерживаются многие годы. Они приглашают друг друга на свадьбы и юбилеи, оказывают друг другу услуги, выручают деньгами, проводят вместе отпуск. Когда Елена Петровна переезжает из Смоленска в Новороссийск, т.е. к морю, начинаются интенсивные визиты как родственников, так и сослуживцев. Только в 1983 г. к ней обратилось несколько бывших сослуживцев-друзей с просьбой принять их на отдых. То же и в последующие годы. «Приеду я с внучей и дочей...» — пишет главный бухгалтер стройтреста, где работала в Смоленске Елена Петровна (17.07.85). У Елены Петровны довольно сложные семейные обстоятельства, но ей неудобно отказать. Она должна следовать обычаю и быть жертвой социального принуждения, которому, впрочем, она подчиняется вполне добровольно. Уйдя на пенсию, эти люди тоскуют по кругу сослуживцев. «А я

* В качестве примера можно привести ряд работ, в которых теоретики размышляют о такого рода практиках [7–9].

опять тоскую по работе, а вернее по общению с какими-никакими людишками» (10.03.86).

У поколения детей (1960-годы рождения) работа и досуг уже совершенно разделены. Работа — доука. «Работа не нравится ужасно» — лейтмотив в письмах детей. Одна девушка бросает ненавистную работу оператора ЭВМ и становится продавцом (1983, лето). Другая девушка, бухгалтер по профессии, пишет: «Сегодня на работе мне совсем нечего делать: утром перерисовывала орнамент для кофты, потом писала письма. Затем ходила в гости к девченке в другой кабинет, теперь вот опять пишу письма... пока нет большой работы и наша крыса — главная не видит» (17.01.85).

Дочь пишет матери: «Мам, ты спрашиваешь про работу, ничего страшного, просто мне не нравится работать на производстве» (19.11.81). Зять мечется: то трудится монтажником, то переходит в МВД и работает в «зоне».

Род занятий не выбирают в соответствии с тем, что называют профессиональным призванием. «Работа» для них — абстрактная институция. Место общения — досуг. Работа и досуг — разные пространства. Они ориентированы на частное и легитимируются А. С. Пушкиным, читанным по школьной программе. Из девичьей переписки:

«Трудов напрасно не губя,
Любить так лучше самого себя!
Предмет достойный, ничего любезней
Верно, нет его —
Ты согласна со мной?» (11.07.80)

Здесь нет протеста, скорее, речь идет о диффузном неудовольствии, о невыраженном ясно желании — как в народной песне: «Не знаю, надо иль не надо,/ Хотел ли я иль не хотел». Это неудовольствие выражается в равнодушии к официальным ценностям. Люди не видят жизненного смысла в том, чтобы их не то, чтобы искренне принимать, но хотя бы постоянно подтверждать. А такой смысл явно имел место у отца Елены Петровны и у нее самой.

Смена в поле социальных ценностей прослеживается в отходе от официального идеологического языка. Надо прямо сказать, что этот язык выведен за пределы семейного круга. В общем-то, среди пишущих письма нет людей, *мыслящих языком плаката* (А. Платонов). Этот язык сохраняется постольку, поскольку он нужен для обращения в официальные инстанции. В 1980-е гг. во всю функционирует жанр «письма на съезд». Елена Петровна использует его, когда пишет письмо на съезд, чтобы вырчить сына из армии. Она, кстати, отмечает, что XXVII съезд КПСС получил 250 000 писем, по свидетельству газет. Дома этот язык не нужен, хотя сама главная героиня, естественно, член КПСС. Разговоры «о политике» — предмет иронии. Это признак старости и повреждения в уме: старенький папа «стал болтливый, суетливый и все о политике рассуждает» (11.1978).

Раньше я читала записки советских людей первого поколения бывших крестьян. Там идеологические слова использовались некритически, между ними и человеком, их использующим, дистанции не было. Следы прежней ситуации присутствуют лишь в письмах матери Елены Петровны, которая как раз принадлежит к этому поколению: год рождения — 1903.

Вдова батальонного комиссара была не очень грамотна. Она пишет знак процента вместо градуса. Получается, например, что в Кустанае был мороз 40%! Она не в очень хороших отношениях с написанием дат. Погода у нее *голодная* (вместо «холодная»), *магеровая кофточка* (мохеровая кофточка), *нармально* (нормально), *олементы* (алименты). Так вот она пишет, сообщая внуку о том, что наступило рождество: «Сегодня **поповский праздник** рождество я нечего не делаю» (01.1977). Она явно использует слова, которым она научилась в 1920-е гг. в школе или услышала от мужа. Но ведь, сообщая, что она не трудится (ибо грешно), она подтверждает тем самым, что этот праздник чтит. Она ходила в церковь: в одном из писем сын спрашивает ее, была ли она на торжественной службе в соборе (03.09.77).

Здесь время сказать, что в семье был человек, который имел самое непосредственное отношение к воспроизводству официального идеологического дискурса. Это брат Елены Петровны, 1927 г. рождения, преподаватель научного коммунизма. Сама профессия — рудимент более раннего периода истории. Он единственный в семье наследник отца-комиссара. Он делает доклады о революциях и контрреволюциях в Латинской Америке так же, как его отец докладывал о международном положении. Он публикует в многотиражке статью «Социализм и мир неодолимы» (22.10.78). В одном из писем сестре он рассказывает, как нашел в областном архиве свидетельства о том, что его отец выступал в деревне с докладами о международном положении.

По идее, он должен *жить* в языке и ритуале идеологии. На первый взгляд это так. «Сегодня устал по-собачьи. С утра кое-что обобщал по подготовке к партбюро. К 11. 00 собрался в Институт, ибо собрал не все материалы» (17.11.73). У него почти каждый день лекции в политпросвете. Это и «общественная работа», и небольшой заработок (*подработка*). Готовясь к лекциям, он мучается, мало спит. «Из общественных поручений у меня такие: Левобережный райком КПСС потребовал выделить меня для методических семинаров с пропагандистами района... В Институте пойдут по эстетике с преподавателями кафедры иныза и сотрудниками библиотеки... С октября пойдут платные лекции по программе университета марксизма-ленинизма в военном городке и на транспортном заводе» (09.1973).

Тему «О развитии социалистическом обществе» он считает трудной. Именно он советует сестре прочитать в еженедельнике «Новое время» статью Г. Холла «Саморазоблачение Сахарова» (11.73).

Но и у него официальный язык лишь обрамляет жизнь. Ему все равно, что обсуждать на семинарах — проблемы развитого социализма или построения правового государства (на последнюю тему он вел семинар в апреле 1989 г.). Его волнует главным образом слишком быстрое изменение программ: «Учебный год идет с измененными программами, а это неприятно. Программы нестабильны, на будущий год новые изменения» (04.05.90).

Отход от официоза проявляется у него в том, что он активно конструирует мир частной жизни. Он больше думает о кредите, страховке, налогах, рассрочке на подписку. Действительно, его глубоко волнует проблема «метеопатии», влияния неблагоприятной погоды. Дыхательная гимнастика и проблема покупки спортивного костюма значат для него больше, чем служение официальному языку, за которое он получает зарплату. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в

период бума периодики он выписывает не «Новый мир» или «Наш современник», а «Твое здоровье» и «Физкультуру и спорт». Его интересуют системы питания и способы продления жизни. Круг чтения: М. Вислоцкая «Искусство любви», Г. Шелтон «Как обеспечить сочетаемость пищи», И. Чирковский «Рождение в воде», А. Зубков «Хатха-йога в меняющемся мире», Джуди Гласс «Жить до 180 лет» и др. Он проявляет огромный интерес к психотерапии.

Он остался вдовцом, и постепенно у него началась новая жизнь. Он переустраивает свой дом и ищет спутницу жизни, используя во всю перестроечное новшество — брачные объявления. Получив 84 предложения, он начинает выбирать. «Черт с ними с женщинами. Займусь я квартирой, а к женщинам вернуться весной. И только так решил, посыпались предложения женщин... Обязательно буду до предела осторожен, осммотрителен... Возраст невест? Одна — 42 лет, две — 48 лет, две — 58 лет. Кандидатов можно найти сколько угодно, но это нехорошо» (08.11.89). В целом, он недоволен женщинами: «Приходят с какими-то иждивенческими настроениями, ни разу не услышал ни одного доброго совета, как мне реорганизовать свое хозяйство, украсить квартиру» (04.05.90). Словом, он человек частной жизни.

Поколение детей дистанцируется от официального и идеологического языка. Этот язык присутствует, но, главным образом, в иронических контекстах. Например, девушка, которая любит поспать по утрам, пишет, что ее будят, *пока не проснется комсомольская совесть*. Со старыми идеологическими клише происходит риторическая игра. «Выговор с занесением в личное дело» — шутливая угроза, упрек за то, что адресат не пишет (07.02.85). Имеет место дистанция по отношению к официально одобряемым ценностям: «Я уже **рабочий** человек... Я вношу свою лепту в строительство коммунизма. В общем, трудилась как пчелка. Я уже имею профессию продавца» (11.07.80).

Работа на садовом участке именуется *решением продовольственной программы*. Они употребляют выражение *культурно отдохнуть*, но с иронией, например, когда пишут о весело проведенном дне рождения. Демонстрация на 7 ноября — приятное времяпрепровождение, повод для встречи с друзьями. Что-то вроде праздничной демонстрации в фильме «Застава Ильича» М. Хуциева. Портреты вождей, лозунги видимы, но не замечаемы, а потому их и нет на экране. «На демонстрацию меня родители не пускали, т. к. боялись, что я простужусь, я сегодня все равно удрала на нее» (07.11.82).

Дети умело участвуют в иронической языковой игре. Ирония подразумевает позицию по отношению к говоримому. Они сознательно сталкивают социально одобряемый нарратив и неофициальную речь. Открытка, полученная девушкой от подруги, состоит из двух частей. Одна — официальная, как учили родители и школа. Другая — «от души». Имеет место риторическая игра с социальным каноном, смело сопоставляются разные речевые стили*.

«Дорогая Леночка!

От всей души поздравляю тебя с наступающим Новым 1979 годом!

Желаю тебе отличного здоровья, успехов в учебе, счастья в твоей личной жизни, радости и веселья в эту новогоднюю ночь и всегда.

*По проблемам легитимных нарративов как риторических схем, вокруг которых организуется действие, см., например [10, p. 85].

Целую тебя. Галя К.»

«Ты, злодейка, что усмехаешься? Ежели ты невинная девица, то ты должна скромно опустить очи и зардеться, а не зырить на сию открытку, как гнусная злодейка. Ну желаю тебе в новогоднюю ночь накиряться как следует (да смотри не дерябнись нигде), и приглянуться какому-нибудь гарному хлопцу» (27.12.78).

На первый взгляд кажется, что их выбор — тоже выбор частной жизни, который легитимируется ссылкой на А. С. Пушкина, изучаемого по школьной программе. Из девичьей переписки:

«Трудов напрасно не губя,
Любить так лучше самого себя!
Предмет достойный, ничего
Любезней, верно, нет его —

Ты согласна со мной?» (11.07.80)

Результат отхода тогдашних молодых от официальных ценностей неоднозначен. «Хорошие дети», не принимая внутренне официально одобряемые социальные классификации, действительно уходят в мир частной жизни: наряду с работой вязание, музыка, сидение дома, поездки на экскурсии по праздникам, спорт и фотография. Они могут обходиться без алкоголя: «не понимаю как люди пьют эту гадость» (05.12.84). «Когда он узнал, что я непьющий, то аж прослезился от умиления» (03.04.86). Они культивируют ценности семьи. Сыновья нашей героини идут, скорее, этим путем. В социологической литературе и в публицистике отход от ценностей советской цивилизации трактуется однозначно положительно.

Однако чтение переписки позволяет увидеть, что такой однозначности нет. Другой вариант — складывание неконформистской «антишкольной» культуры, которая быстро сближается с уголовной. Об этом свидетельствует переписка части младшего поколения.

Из Кустаная в Смоленск: «Ольга Щегай в Ленинграде, письма нам пишет, я ей так завидую, такая блатная стала со всеми перезнакомилась, с неграми познакомилась. Живет в 15-этажном общежитии, с пацанами торчит. Поет в эстрадном, короче житуха такая, можно позавидовать» (11.11.77); «...ты знаешь, у нас сейчас уроки так проходят. Никто нормально не слушает... Сидим, балдем» (08.05.77); «В понедельник... в школу не пошли и, вместе с Гришкой, пили, так здорово» (11.12.78); «Вчера физику сдала и напилась от радости»; «Привалова почти все экзамены на 5 сдает. Молодец такая девчушка!...Такая блатная, жаргончики блатные... Дожди заколебали» (16.06.79).

Хороша та работа и компания, где можно открыто, без социальной цензуры говорить о своих желаниях, об алкогольных практиках, о желании прогулять. «Я работаю в магазине, мне **очень** нравится. Все девчонки балдовые, все балдем... Почти каждую субботу пьем, т. к. день рождения часто... Что хочешь, то и возьмишь, лишь бы деньги были» (31.01.79). Коллектив у нас хороший, очень дружные мы. Чуть ли не каждый день пьем. Ну а что поделаешь? Ведь работаем в торговле, тем более в коллективе, а как я могу пойти против общества? Вот и приходится за здоровье каждого пить. Нет, серьезно, знаешь как торгаши бухают дикий ужас! А я и сама иду в первых числах... Конечно, поживешь в болоте, сам позеленеешь...» (09.12.80).

Они не принимают социально одобряемые критерии карьеры, жизненных стилей. По иронии судьбы (или истории?), культивируя противопоставление «мы» и «они», эти молодые люди маргинализируются. Вместо приватности возникает подчинение новой коллективности, в которой действуют законы полууголовной, а то и просто уголовной среды. В языке — блатная музыка.

Чистых невозможно отделить от нечистых. Зять Елены Петровны работает в тюрьме, друзья и подруги дочери в тюрьму попадают. «А Курбаного Олежку посадили, наверное уже расстреляли! Да,... вот такая она жизнь! Перед выпускным он убил, зарезал врача за печатку по-моему. А все же жалко его... Но и в то же время готова убить его!! Ведь... можно ударить раз, но ведь он как садист ковырял его ножом, представляешь?! Он был пьяным, но ведь это ничего не говорит!» (11.07.80). Вот рассказ подруги дочери об общей знакомой: «Верка устроилась на ламповый завод проработала один день это был день пятница в субботу и в воскресенье нажралась чифиру и теофедрину и в понедельник пошла на больничный и опять та же история в больницу не пошла больничный не закрыт на работу не ходит и в конечном счете она наверное загремит туда где уже была... Я тебе наверное уже писала, что Лютый сидел и когда тот парень освобождался Лютый сказал ему зайти к Верке и помочь ей устроиться на работу поторопить ее чтобы она скорее прислала бланк, Лютый хочет расписаться с Веркой, а теперь Верка ходит с этим парнем живет с ним, и дома у него ночует и называет его своим мужем. Он зовет ее замуж, а она боится, что Лютый придет и зарежет ее» (06.09.86). Происшедшее — объективное социальное поражение семьи и общества. Семейный социальный и культурный капитал растрочен. Ни один из младшего поколения семьи не получил высшего образования. Даже в ограниченном пространстве одной семьи мы видим, как создаются предпосылки того, что сейчас называют социальной криминализацией. Специального внимания требует реконструкция картины повседневности женщин, родившихся в 1960-е гг.: брак, развод, дети, аборты, тюрьма.

Многое еще можно рассказать. Тем более что семья продолжает существовать. Правда, мы не знаем, что случилось дальше. Возможно, члены семьи, тем более представленные новым поколением, сделали новые жизненные выборы. Эта семья продолжает существовать, но судьба ее неизвестна: в распоряжении исследователя ничего нет кроме переписки. Внимательное чтение позволяет нам отметить симптоматику дальнейших перемен. Так, среди знакомых детей появляется Христианка (именно так, с заглавной буквы она сама себя именуется). А христианка она потому, что ее «раздражает эта погоня за наживой, богатством, даже если все это за счет собственного труда» (07.02.85). Интерес к православному христианству сочетается с астрологическими увлечениями: «И еще я просила тебя чтобы ты из гороскопа переписала про Анжелку и про Генку» (13.01.83).

Они пользуются любой возможностью, чтобы расширить пространство, сделать прорыв. В 1984 г. наша героиня совершила туристический круиз вокруг Европы. Это событие на всех его этапах обсуждается в переписке: «Такое путешествие бывает раз в жизни и будет вспоминаться светлым пятном» (15.11.84).

В то же время мы видим, сколь мало могли они предвидеть, действуя в соответствии с инкорпорированными схемами. Их ментальная карта коррелирует с географическим пространством огромной страны, называвшейся СССР.

Солдат-армянин с легкостью думает о том, чтобы переехать во Львов, учиться там и жить (27.10.86). Одна часть семьи может жить в Нальчике, другая в Риге. «Женихи наших милых девчонок разбросаны по всему Союзу» (07.02.85). Девушка из Нальчика называет Фрунзе, Киев, Минск. Интернациональный брак нормален. Ощущение цельности социального пространства — самоочевидность. Идут последние годы существования СССР, а они все меняют Смоленск на Таллин или Алма-Ату. Части единого пространства классифицируются в соответствии с оппозицией *дикое/цивилизованное*. «Привет из дикого Казахстана» (10.07.80) — пишет солдат девушке. Эстония — цивилизованная: «Живут они значительно лучше нас. снабжают их лучше некуда. Все есть, начиная несколькими сортами мяса и кончая различными рыбными продуктами» (03.10.84). И лишь неясное ностальгическое чувство заставляет мечтать о возвращении в места родные: «Пойдем на пенсию обязательно обменяемся на Россию» (из Казахстана 17.04.87). «Всегдашняя мечта к старости добраться да своей Родины Украины» (конец 1988 г.). Нам неизвестно, удалось ли им вернуться.

Попробуем подытожить, что именно мы узнали из чтения одной семейной переписки. Отметим, что автор-исследователь пребывал в зазоре между «насыщенным описанием» и «диагнозом» (К. Гирц), т.е. между определением значений, которые имеют социальные действия для самих действующих лиц, и констатацией, как можно более развернутой, того, что дает нам полученное таким образом знание об обществе, в котором оно почерпнуто.

Мы узнали, как переписка поддерживает «чувство семьи», тем самым воспроизводя семью как общественное отношение. Мы узнали правила повседневной жизни и подробности практик выживания в последний период советского общества. По смене языкового репертуара мы получили «слепок» социального изменения и наглядно «узрели», что значит альтернативность истории. Мы смогли разглядеть, как происходит то, что называется социальным наследованием. В целом же, чтение переписки, которая охватывает почти 20-летний период, позволяет хорошо ощутить, что имеют в виду, когда говорят, что историю делают люди.

Литература

1. Harre R. Social being: A Theory for Social Psychology. Oxford: Blackwell, 1979.
2. Гирц К. «Насыщенное описание» в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996.
4. Козлова Н. Н. Заложники слова? // Социологические исследования. 1995. № 9–10.
5. Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action. Cambridge: Polity Press, 1998.
6. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 1998.
7. Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Heaven; London: Yale Univ. Press, 1985.
8. Certeau M. de The Practice of Everyday Life. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.
9. Bourdieu P. The Logic of practice. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press, 1990.
10. Luckmann Th. Remarks on Personal Identity: Inner, Social and Historical Time // Identity: Personal and Socio-Cultural: A Symposium / Ed. by A. Jacobson-Widding. Uppsala: Acta Univ. Uppsala, 1983.